

УДК 821.161.1-311.6

**АНТИНОМИЯ «СОЛДАТ – ОФИЦЕР»
В «КРАСНОМ КОЛЕСЕ» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА**

С. В. Глушков

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

В статье выдвигается и обосновывается гипотеза о мотиве внутреннего раздора, являющегося стержнем всей эпопеи «Красное колесо». Главная мысль автора, по мнению исследователя, заключается в том, что гибель Российской империи была предопределена в тот момент, когда этот внутренний раздор поразил русскую армию.

Ключевые слова: *мотив внутреннего раздора, художественная методология, А. И. Солженицын.*

Огромность эпопеи Солженицына, всеохватность его взгляда на исследуемую им эпоху и на Россию в целом создают немалые трудности для исследователей.

О «Красном колесе» написано крайне мало – особенно в сопоставлении с масштабом самого произведения. Есть нечто трагичное в том, что произведение, которому крупнейший русский писатель XX века отдал большую часть своей творческой жизни, в сущности, пока еще не дошло до адресата. «Повествование в отмеренных сроках» прочли далеко не все, кому его адресовал автор, а слишком многие из тех, кто его все же прочел, сделали это бегло, словно бы заранее зная, что в десяти томах сказано», – писал в этой связи один из немногих исследователей «Красного колеса» А. Немзер [3, с. 8]. О чрезвычайной опасности очевидного повторения «февральских ошибок» современными политиками, происходящего из-за «неуслышанности» того, что написал про Февральскую революцию Солженицын, писала и И. Роднянская [4, с. 546–547].

Неоцененным по большому счету остается и новаторство художественной методологии, приведшей к созданию жанра, которому даже сам автор не нашел определения, обозначив его скорее как творческий процесс: «повествование в отмеренных сроках». Л. Лосев закономерно увидел в этом авторском определении «историософское наполнение» [2, с. 325], но повествование Солженицына нельзя свести только к выражению его историософских идей. Самое большее, чего могут достичь в этом отношении исследователи творчества Солженицына, – это обозначить «Красное колесо» как «мощнейшую глыбу», неподвластную усилиям представителей лишь одной из наук [7, с. 480]. Но в том и дело, что эта необозримость «Красного колеса», не имеющего ни начала, ни конца, особенно затрудняет выделение главной линии, повествовательного стержня, на котором держится всякий художественный текст. Если Гомер уже в первой строке «Илиады» обозначил этот стержень как «гнев Ахиллеса», то Солженицын так и не пояснил читателю, что намерен он воспеть. В авторском вступлении к вермонтскому изданию 1983 года указано лишь на принцип формирования Узлов: «сплошное густое изложение событий в сжатые сроки времени, но с полными перерывами между ними».

В то же время в густоте и многоголосии выстраиваемого таким образом повествования, не имеющего в этом отношении аналогов в мировой литературе, лишь при известном напряжении можно выделить один постоянный мотив, который можно назвать отзвуком «гнева Ахиллеса». Это мотив внутреннего раздора – не просто спора или даже борьбы разных политических и идеологических позиций, но именно раздора, возникшего между людьми и в итоге расколовшего страну и народ и сообщившего тем самым «красному колесу» его убийственную энергию. И хотя истоки этого раздора, очевидно, находятся в глубинах предшествующих столетий, начальным моментом своего повествования Солженицын избирает «точку невозврата», какой становится раздор в воюющей армии. Писатель последовательно и планомерно раскрывает многочисленные причины этого раздора, убедительно показывая, что с такой расколовшейся и потерявшей себя армией Россия в прежнем своем состоянии просто не могла существовать.

Отметим, что именно в «Красном колесе» Александр Солженицын – боевой офицер, прошедший Великую Отечественную войну с полным убеждением в том, что он сражался за страну, а не за преступный сталинский режим, – в полной мере выразил свое отношение к армии как к главному оплоту страны и государства.

Существование России без армии было немыслимо не только по причинам, так сказать, внешнеполитическим. Внутреннее сплочение в стране, не имевшей привычки к гражданской жизни, было возможно лишь на основе духовного единства, а с его утратой после церковного раскола и начавшейся в Петровскую эпоху секуляризацией общественной и государственной жизни – только в военном сплочении. Начиная с Отечественной войны 1812 года, русский человек всякого сословия и звания, лишь служа в армии или помогая ей, мог ощутить себя ответственным за страну. Война, в самом начале своем едва не принявшая название «Второй Отечественной», положила конец этому сплочению.

Именно поэтому первое действие своего повествования о революции Солженицын начинает с военного поражения в Восточной Пруссии, видя причины его не просто в стратегических ошибках руководства Западного фронта, а в изначальном отсутствии у части генералитета во главе с Жилинским и Орановским этого самого чувства ответственности. Соображения личного порядка уводят их от решения главных, государственного уровня задач. Это порождает естественное недоверие армейских низов к своему руководству. Но некие зерна раздора посеяны уже и в самих низах. Они еще не проросли, но почва для этого роста уже готовится.

Тогда, в августе 1914 года, о революции всерьез не думали даже сами революционеры. Да и разгром Второй армии генерала Самсонова, при всей его трагической значимости, не идет в сравнение с военной катастрофой лета – осени 1941 года. Однако эти последние поражения не привели к краху СССР, в то время как крушение всего лишь одной армии в 1914 году, как убедительно показывает Солженицын, стало первым шагом к крушению императорской России.

А. Немзер важнейшую причину этого крушения видит в растущем с первых дней «отчуждении солдат даже и от лучших – верных долгу, мужественных и знающих “свой маневр” – офицеров» [3, с. 62]. Можно сказать, что трагедия именно этих лучших офицеров оказывается в центре первого из Узлов «Красного колеса». Они раньше других ощутили гибельность этого отчуждения и невозможность преодолеть его. Один из них, командир 16-го пехотного Ладужского полка Александр Нечволодов, сетует, что «Отечества – у нас девятнадцать из двадцати не понимают. Солдаты воюют только за веру и царя, на этом держится армия» [5, с. 186].

Именно размышления такого рода привели читателей «Августа Четырнадцатого» еще задолго до появления последующих «узлов» к убеждению, что эта книга представляет собой далеко не только «частную историю одной из кампаний войны 1914 года». В ней закономерно увидели «постановку и решение основных глубинных вопросов русской истории и современности, русской судьбы» [1, с. 9].

Если же вернуться к аналогии с 1941 годом, то в триаде «вера, царь, Отечество» именно Отечество было самым ясным для большинства понятием. Вера была у немногих, «царя», то есть Сталина, если и почитали, то больше под воздействием пропаганды и страха, а многие втайне ненавидели за коллективизацию, «расказачивание», репрессии и многое другое. Хотя Солженицын таких аналогий не приводит, они напрашиваются сами. Да и мысль автора «Колеса», как известно, за «обрывом повествования» достигала и 1941-го, и 1945 года. Так что возможность этих аналогий явно предполагалась.

Солженицын прямо не подчеркивает, но дает понять, что для оторванного от своей земли, от привычного уклада жизни и попавшего в чужую страну русского солдата Отечество могло быть лишь далекой и непонятной абстракцией. Для офицеров же, даже не особенно образованных, но что-то знавших об истории своей страны, это понятие что-то значило. Но когда они пытались опереться на него в своих отношениях с солдатами, то встречали непонимание и растущее отчуждение. Крах армии Самсонова обнажил для многих сражавшихся храбро и мужественно солдат бессмысленность их героических усилий, пропадавших втуне из-за бездарности фронтового командования, поставленного тем самым царем, которого они, в отличие от Отечества, «понимали». Это рождало в них сначала недоумение и усталость, а затем и отчуждение от «отцов-командиров», посылающих их на бессмысленную бойню.

Солженицын очень трезво смотрит на русского солдата, отмечая и такое свойственное ему качество, как стремление к мародерству, подчеркивая при этом его неизбежность на чужой земле, где обычный между крестьянами «домашний» нравственный обычай как бы отменяется. Офицеры пытаются бороться с мародерством, понимая, что оно разлагает боевой дух армии, но эта борьба лишь усиливает отчуждение между ними и солдатами. Потом, в феврале – марте 1917 года, этот укрепившийся за годы войны анархический дух приведет к солдатским грабежам уже в «своем» (но, опять же, чужом для солдат) Петрограде.

Для понимания эволюции отношений между солдатами и офицерами очень важен эпизод с выходом из окружения десяти солдат Дорогобужского «мертвого», то есть полностью разбитого полка. Сорок верст они тащат на себе убитого полкового командира Кабанова, которого «они взяли в Россию снести», и раненого поручика Офросимова вместе с полковым знаменем. Прапорщику Ленартовичу, считающему себя революционером и социал-демократом, такого рода героизм видится бессмысленным. «А уж труп зачем волочить, что за обряд дурацкий?» – думает он. Солдаты для него – «чучель», которые не подвиг совершают, а следуют «темному немому завету». Его антагонист подпоручик Ярослав Харитонов, напротив, в восторге от поведения дорогобужцев. «Он завидовал Офросимову: вот именно так с народом слиться! вот с этой надеждой он и шел на военную службу!» Однако собственные солдаты, которых он успел узнать получше, восторга у него не вызывают: «Орел Крамчаткин оказался и дурень, и стрелять не умеет, а Вьюшков – плут и вор» [5, с. 429]. В итоге оба эти столь различные между собой молодые офицеры оказываются равно чужды солдатам. Но если более циничный и расчетливый Ленартович уже в пределах «Марта Семнадцатого» приспособливается к духу солдатской вольницы

и учится использовать ее в целях своей революционной карьеры, то «народолюбец» Харитонов переживает почти полный крах, когда «революционные» солдаты едва не убивают его в железнодорожном тамбуре. Спасает его от смерти случайно оказавшийся там же солдат из числа тех дорогобужцев, вместе с которыми Харитонов выходил из окружения в Восточной Пруссии. Таким образом, Солженицын все-таки сохраняет надежду на восстановление связи хотя бы между лучшими людьми из среды солдат и офицеров.

При всем том история подпоручика Харитонova – ярчайшая иллюстрация того, что растущее отчуждение между офицерами и солдатами очень мало зависит от личных качеств тех и других. Солженицын убедительно доказывает, что оно носит стихийный, всеобщий характер, и все случаи отхождения от этой тенденции – исключения, подчеркивающие правило.

Таким исключением являются и отношения с солдатами полковника Кутепова – персонажа, в отличие от Харитонova и Лашкевича, не вымышленного. Его действия в условиях разгоревшегося в Петрограде солдатского мятежа представлены в нескольких главах «Марта Семнадцатого» как образец того, как должны были, но не сумели или не захотели вести себя другие офицеры из штаба генерала Хабалова. Однако причина конечной неудачи Кутепова не в том, что он оказался единственным способным к решительным действиям офицером, а в том, что опереться он мог только на малую часть не потерявших представление о дисциплине солдат. Нет ничего удивительного в том, что стихия развала охватила не только большинство солдат Петроградского гарнизона, но в полной мере коснулась и офицерского корпуса, ощутившего свое бессилие хоть как-то управлять этой вышедшей из подчинения массой, с которой они фактически утратили какую бы то ни было связь.

Характерно, что именно в третьем узле «Красного колеса», где во всех подробностях и с максимальной густотой представлена картина Февральской революции, отношения между солдатами и офицерами оказываются на первом плане повествования. Можно смело утверждать, что в этой акцентации проявляется народно-государственный характер исторического мышления Александра Солженицына. Именно в армии, тем более армии воюющей, он видит сферу максимального соприкосновения народа и государства. И возникающий между солдатами и офицерами разлад предстает как окончательное и трагическое для обеих сторон расхождение между народом и государством, которое и составляет суть революции.

Тщательно прописывая всю последовательность весьма драматических событий, Солженицын пристальнее всего всматривается в мельчайшие детали, характеризующие реакцию на эти события солдат и офицеров. Особое внимание уделяется старшему унтер-офицеру Волынского полка Тимофею Кирпичникову – историческому персонажу, стечением обстоятельств ставшему одним из главных «героев» Февральской революции. В 12-й главе «Марта Семнадцатого» подчеркнута его типичность: «унтер того типа, который службу знает отлично, – может, ничего другого, но уж ее-то знает». Столь же стертой представлена и его внешность: «поджарый, с хмуроватым неразвитым лицом, короткой шеей, уши плоские прижаты» [6, с. 79].

24 февраля, в первый день народных волнений из-за хлебной проблемы (Солженицын подчеркивает ее искусственный характер), Кирпичников, старший среди солдат взвода Волынского полка, только использует безразличие случайно оказавшегося во главе взвода штабс-капитана Цурикова, чтобы не препятствовать начинающимся беспорядкам. «И что в самом деле за задача такая: среди города, среди народа стоять – и в народ же стрелять? Солдатское ли это дело?» – думает

Кирпичников [Там же, с. 80]. О нем сказано, что «в армии он нашел свой дом», и офицер, даже малознакомый – для него часть этого дома, но и люди, которые «хлеба просят», ему не враги.

На второй день, 25-го, Кирпичникову вновь выпадает идти с командой на площадь. Солдат уже не взвод, а рота. Офицеры другие, но единства среди них нет. Более решительный прапорщик Вельяминов получает из толпы удар палкой, но солдаты не выдают ударившего. Однако на реплику того же Вельяминова «Армейская служба – есть служба. Без этого – нет страны», Кирпичников про себя отзывается: «Это правильно» [Там же, с. 158].

Но уже к вечеру 26 февраля у него, уставшего от трехдневной, становящейся все более неприятной и непривычной для солдата службы по сдерживанию толпы, нарастает враждебное чувство к дежурившему в этот день капитану Лашкевичу: «Другой офицер бывает как свой. А этот – чужой, гадюка, барин. И никакого твоего промаха не простит» [Там же, с. 328]. А когда выясняется, что и на четвертый день Кирпичникову опять идти на «собачью службу», он подговаривает других унтеров отказаться выходить из казармы.

Именно из этого вроде бы мелкого и случайного эпизода вырастают грозные события 27 февраля, обрушившие в конце концов Российскую империю. Уже без Кирпичникова переступившие границу воинского подчинения солдаты из страха перед ответственностью убивают Лашкевича – и стихия бунта запущена: «Наружу! Звать другие роты! Чем больше созовем – тем меньше ляжет на нас. Теперь – всё отрезано, теперь только и выход – звать других!» [Там же, с. 340].

Традиция исторической романистики с ее склонностью преувеличивать значимость случайных событий должна бы привести к мысли о том, что если бы капитан Лашкевич не послал унтера Кирпичникова дежурить четвертый день подряд, то и вся российская история пошла бы по-другому. Но Солженицын не оставляет никакой возможности остановиться на подобной мысли. От главы к главе он рисует общую картину солдатского настроения, которое складывается из усталости от дряхлеющей третий год и становящейся все менее понятной солдатам войны и из вырастающей отсюда же враждебности к офицерам, на которых выливается все солдатское недовольство. Не щадит Солженицын и офицеров, которые устали не меньше солдат, но, в отличие от них, разобщены и, предоставленные сами себе, нередко малодушничают, отступая перед грозной силой нарастающего солдатского бунта.

В этой ситуации всякая случайность оказывается проявлением закономерности. Не Кирпичников, так другой похожий на него солдат или унтер воспротивился бы офицеру и все равно не миновать было России обвала. Но тот факт, что именно конфликт солдата и офицера стал, по выражению Н. Щедриной, «пусковым крючком» солдатской вольницы и первым фабульным звеном «Марта Семнадцатого» [10, с. 481], определяет важнейшую мысль автора эпопеи о причинах Февраля.

Разделяя «армейские» главы описанием событий и настроений в других слоях российского общества, Солженицын не оставляет никаких сомнений в том, что раскол в армии, противопоставивший солдат офицерам, генетически связан с тем, что происходит в окружении царя, в политических кругах, в настроениях образованного класса. Собранный в армию, оторванный от привычной среды и уклада жизни часть низовой России оказалась наиболее чувствительной к процессам разложения, начавшимся наверху. С того момента, когда дух раздора стал распространяться в армейской среде, не встречая, по сути, сопротивления, обреченность страны и государства стала становиться все очевиднее.

Особое композиционное искусство Солженицына проявляется в том, что, выписывая с максимальной плотностью и подробностью даже мельчайшие, казалось бы, детали и оттенки происходящего, он никогда не уводит читателя от того, что представляется ему особенно важным, значимым в череде событий. Одним из таких особо важных событий, описываемым с исключительным тщанием, выступает появление печально знаменитого «Приказа № 1», родившегося в недрах самозванного Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов. Именно этот приказ – нелепый по сути и конкретному содержанию, возникший также случайно, как бунт Волынского полка, – еще более четко обозначил точку невозврата в нарастающем распаде страны. Вбитый этим приказом клин между солдатами и офицерами, дойдя от запасных батальонов Петроградского гарнизона до воюющей армии, весьма быстро превратил эту армию в бесконечно митингующую вооруженную толпу, способную не к защите страны, а только к развалу и анархии.

Можно сказать, что в последнем томе «Марта Семнадцатого», как и в завершающем эпопею «Апреле Семнадцатого», антиномия «солдат – офицер» получает уже не качественное, а только количественное развитие. Основные причины ее формирования вскрыты в предшествующих томах, и теперь Солженицын описывает лишь катастрофические последствия возникшего раздора. Но мысль о том, что в триаде «народ – армия – государство» именно центральное звено выступает как определяющее состояние страны в целом, остается одним из идейных стержней всей эпопеи.

Список литературы

1. «Август Четырнадцатого» читают на родине: сб. статей и отзывов. Париж: YMKA-PRESS, 1973. 141 с.
2. Лосев Л. Солженицын и Бродский как соседи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 608 с.
3. Немзер А. «Красное колесо» Александра Солженицына: Опыт прочтения. М.: Время, 2011. 364 с.
4. Роднянская И. Летописец роковых часов России // Между двумя юбилеями. 1998–2003. М.: Русский путь, 2005. С. 546–548.
5. Солженицын А.И. Август Четырнадцатого. М.: Время, 2014. 960 с.
6. Солженицын А.И. Красное колесо. Историческая эпопея: в 10 т. Т. 5: Узел III. Март Семнадцатого. М.: Воениздат, 1994. 709 с.
7. Щедрина Н. Природа художественности в «Красном колесе» А. Солженицына // Между двумя юбилеями. 1998–2003. М.: Русский путь, 2005. С. 478–497.

ANTINOMY “THE SOLDIER – THE OFFICER” IN “RED WHEEL” BY A. I. SOLZHENITSYN

S. V. Glushkov

Tver State University

the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article puts forward and gives grounds for the hypothesis concerning the motif of the internal contention which makes the core of the whole of the epic “Red Wheel”.

The main idea of the author, according to the researcher, is that the death of the Russian Empire was predetermined at the moment when this internal contention struck the Russian army.

Keywords: *motive of internal contention, art methodology, A. I. Solzhenitsyn.*

Об авторе:

ГЛУШКОВ Сергей Владленович – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: sglushkov@mail.ru.

About the author:

GLUSHKOV Sergey Vladlenovich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: sglushkov@mail.ru.